

Биньцзянчэн.

Зимой в прибрежных районах выпадает много дождей, целыми днями моросит пасмурная сырость, а пронизывающий холод добирается до костей, отчего у пожилых людей с новой силой начинается ныть ревматизм.

Отец Чэн Фэйяна, Чэн Хао, и без того изнывал от боли в коленях, которую погода лишь усиливала. Теперь же увиденное заставило его кровяное давление взлететь до предела, а в голове у него помутилось.

Будучи заместителем начальника Управления общественной безопасности Биньцзянчэна, он растерял всю свою привычную выдержку и строгость. Дрожащим пальцем он указал на смазливового паренька в комнате и процедил:

— Уходи.

Паренёк с нежной кожей и миловидным лицом испуганно спрятался за чужую спину, не смея шевельнуться.

Высокий Чэн Фэйян, стоявший перед ним, обвинил его за талию крепкой рукой, притянув к себе, и упрямо уставился на стоявшего в дверях отца, которого трясло от ярости:

— Есть вопросы — обращайся ко мне, его это не касается!

Чэн Фэйяну, которому только-только исполнилось восемнадцать, уже перевалил за метр восемьдесят. Из-за многолетних занятий баскетболом у него была крепкая телосложение. Привыкший с детства к самостоятельности, он смотрел на всех с холодноватой и уверенной отчужденностью.

Чэн Хао всегда гордился тем, что у него вырос такой здоровенный сын, но сегодня ему хотелось прибить этого ублюдка!

У Чэн Хао на лбу вздулись вены, и он взревел:

— Твою мать, ты хоть понимаешь, что творишь?!

— Подумаешь, переспал с мужиком. Сегодня мне исполнилось восемнадцать, это законно и правомерно, — вообще-то Чэн Фэйян всё же побаивался Чэн Хао, и при виде такого зрелища у него внутри начал закрадываться страх, поэтому голос он немного приглушил.

Чэн Хао скрежетал зубами, тыча пальцем в ту мерзость, что тот сотворил:

— Ты спишь с женщиной!

В словах Чэн Фэйяна проскользнула изрядная доля сарказма, но он всё же ответил с серьезным видом:

— Я знаю. Мне всегда нравились парни, я никогда не говорил, что люблю женщин, это ты сам себе придумал.

После этого он отвернулся, не желая смотреть на Чэн Хао, словно обвиняя отца в том, что тот совсем его не знает.

Вспыхнувший от гнева Чэн Хао развернулся и вышел из гостиной. Сорокапятилетний мужчина обессиленно рухнул на диван и обхватил голову руками.

Мать Чэн Фэйяна умерла рано, дедушки с бабушкой, которые могли бы помочь с воспитанием, не было, поэтому уже с двух лет он ходил в ясли. Чэн Хао был занят на работе и уделял ему мало времени — все эти годы Чэн Фэйян рос на попечении соседей и добрых людей.

Чэн Хао был слишком виноват перед этим сыном. В случившемся виноват он сам: виноват, что плохо воспитал сына, виноват, что не выполнил до конца свой отцовский долг.

Происшествие этого дня заставило его испытывать жгучее чувство вины...

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем кто-то вышел за входную дверь, и она затворилась.

Небо было хмурым, в комнате стоял полумрак, а Чэн Хао всё так же молча сидел на диване. При слабом освещении Чэн Фэйян не мог разглядеть его лица, поэтому просто стоял в гостиной, ожидая наказания.

Воцарилась тишина. Чэн Фэйян постепенно начал переживать, не нанес ли этот гнев удар по здоровью отца, и тихо позвал:

— Пап.

Чэн Хао приподнял веки, бросил на него косой взгляд и снова отвел глаза. Человек, привыкший к службе в полиции, обладал крепкой нервной системой; он уже был способен вести с сыном спокойный и ровный разговор:

— Отец придумал, как решить эту проблему. Во-первых, сходишь к психологу. Во-вторых, завтра пойдешь записываться на зимний призыв в армию.

Чэн Фэйян даже не задумывался — он тут же отказался:

— Это нормальное явление, а не психическое расстройство. И в армию я не пойду, абсолютно исключено.

Чэн Хао криво усмехнулся, поднялся с места, подошел к сыну и угрожающе процедил:

— Твой отец отпустил этого паренька только потому, что он чужой ребенок и воспитывать его мне не с руки. Но что касается собственного сына... если хочешь сдохнуть — так и скажи, только не мешай мне жениться во второй раз и заводить второго ребенка.

— ... — произнес Чэн Фэйян. — Где твой пистолет? Давай, стреляй сюда!

Чэн Хао с мрачным видом уставился на голову, которую тот сам же подставил ему под нос:

— С сегодняшнего дня ты лишен всякой свободы.

Чэн Фэйяна заперли дома, полностью лишив свободы, и даже на медицинскую комиссию в военкомат его возил лично Чэн Хао.

Как именно он попал в армию, прошло уже столько времени, что Чэн Фэйян и припомнить не мог. Он помнил лишь бесконечную муштру и ежедневную ругань после призыва в часть.

Каждый вечер, падая от усталости на кровать, он мысленно проклинал Чэн Хао: чтоб ты извел сына и остался без потомства!

— Ян-гэ, после задания рванем к тебе домой есть морепродукты!

— Точно, погнали вместе. Раз уж добрались до родных мест, вернемся и сделаем твоему бате сюрприз.

В Биньцзянчэне с приходом весны открывался сезон рыболовного промысла, и в портах повсюду было полно свежепойманных морепродуктов. Спецназ «Соколиный Глаз» получил приказ прибыть сюда на задание три дня назад, и все пятеро бойцов уже давно мечтали устроить себе пир.

Вот только Чэн Фэйян их остановил, заявив, что они, северяне, только что прибыли и могут заработать акклиматизацию — наедятся морепродуктов и потом будут маяться животами, а это сорвет выполнение задания.

Операция должна была состояться сегодня вечером. Все пятеро бойцов спецназа, кроме Чэн Фэйяна, нетерпеливо лежали на крыше портового контейнера и вовсю обсуждали завтрашний пир после завершения операции.

Чэн Фэйян зажал в зубах сигарету и с матерком рассмеялся:

— Десять лет не появлялся дома, старик всем говорит, что я умер, — пойду туда воскресение из мертвых изображать?

— Твоему отцу уже лет пятьдесят-шестьдесят, он твоей мнимой смерти только обрадуется — всяко лучше, чем вообще без сыновей остаться, — хихикая, попытался утешить его сослуживец А Чжань.

Чэн Фэйян усмехнулся. С самого детства он всегда старался понять и войти в положение Чэн Хао. А что в ответ? Стоило обнаружить у него «неправильность», как отец тут же от него избавился.

Отец — сущий демон!

— Всем внимание, есть движение!

Моросил мелкий дождь, в наушниках раздавался шум воды и голос командира взвода.

Чэн Фэйян прищурился, вглядываясь в непроглядную черноту моря. Рыбаки не могли возвращаться в такое время, однако прямо сейчас по темной глади моря к берегу на всех парах несло рыболовецкое судно.

Командир взвода:

— Фэйян, номер судна разглядел?

Чэн Фэйян навел оптический прицел снайперской винтовки на корпус корабля, отыскал бортовой номер, затянул языком сигарету в рот, пару раз жухнул ее и ответил:

— Есть, эта толстушка наша.

Командир взвода обреченно усмехнулся и выругался:

— Мать твою, ну и живуч же ты.

Остальные бойцы весело заржали. Чэн Фэйян обладал колоссальными способностями, буйным

нравом и вечно нес какую-то ахинею — командир взвода просто не знал, что с ним делать.

Рыболовецкое судно пришвартовалось, и два бойца спецназа бесшумно двинулись вперед.

Уличного освещения в порту не было, вокруг царила непроглядная тьма, не было видно даже лунного света. Люди с рыболовецкого судна сошли на берег без фонарей и, шарясь в темноте, начали вытаскивать с корабля четыре ящика.

По одному их крадливым движениям было ясно, что ничего хорошего они не замышляют.

Чэн Фэйян крутанул колесико прицела, отыскал взглядом боевых товарищей и показал им знак окей.

Все готовы, осталось дожидаться приказа командира взвода.

— Действуем!

Вслед за внезапным нападением бойцов спецназа люди на судне мгновенно запаниковали и бросились врассыпную.

Спецназовцы, заранее занявшие позиции с двух сторон, стремительно выскочили вперед:

— Стоять!

Нацеленные на преступников темные дула заставили тех замереть на месте.

Чэн Фэйян скривил губы:

— И это всё? Кучка трусов. Сворачиваемся, сворачиваемся...

Не успел он договорить, как те самые замершие под дулами преступники резко выхватили пистолеты.

— Пиф-паф-паф!

— Пиф-паф-паф!

С обеих сторон прогремели выстрелы.

Чэн Фэйян припал к контейнеру, целясь в невысокого щуплого типа, который с хладнокровным выражением лица прятался за спинами сообщников.

С бегающими глазками и вороватым видом — Чэн Фэйян сразу догадался, что тот попытается сбежать.

Так и оказалось: прижав к груди сумочку, тот бросился бежать между контейнерами.

Контейнеры стояли плотно, стоило тому забраться внутрь — и след простыл бы. Испросив разрешения у командира взвода, Чэн Фэйян немедленно бросился в погоню.

Ночь выдалась темной и безлунной. Звуки драки и выстрелы в порту потревожили бродячих кошек и собак поблизости.

Убегавший мужчина лавировал между контейнерами, то и дело вздрагивая от испуга:

— Блядь! Валите отсюда!

— Ого, ругаешься? — в крошечной тьме переулочка бесшумно стоял человек.

Мужчина в панике отшатнулся назад и с ужасом понял, что угодил в тупик, откуда нет выхода.

<http://bllate.org/book/22351/2342261>